

Л. Седов

К вопросу об оппозиции

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sedov_Tetr_53.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.su>

*Леонид Седов,
кандидат исторических наук*

К вопросу об оппозиции

Известно, что формирование политической оппозиции как института гражданского общества происходит только в ходе нормального избирательного процесса. При иных условиях противостоящие властям разного уровня группы людей и организации в строгом смысле оппозицией не являются. А это порождает в бюрократической среде неизбежное чувство вседозволенности и уклонение от решения стоящих перед обществом проблем. И тогда руководство страны обычно мобилизует народ на решение хотя и амбициозных, но призрачных целей.

При этом надо отметить, что политические системы, построенные на избирательном праве, свободе слова и функционировании оппозиции, вовсе не являются достоянием всего современного человечества или всех эпох человеческой истории. Еще в 1960-е годы американский политолог Р. Даль подсчитал, что среди 113 государств — членов ООН организованная и защищенная законом оппозиция существовала лишь в 30. С тех пор эта пропорция изменилась, но не решающим образом. Что же касается истории, то представительная демократия, о которой идет речь, сравнительно поздний плод цивилизации. В обществах традиционного типа об оппозиции правящему режиму не могло быть и речи, ибо функции власти были совершенно иными, преимущественно ритуальными, при очень узком и постоянном объеме решаемых коллективных задач. А в сложно устроенных общественных системах, вынужденных взаимодействовать с меняющейся внешней и внутренней средой, достижение государственных целей без учета реальных интересов и сил, а также материальных и человеческих ресурсов приводит к катастрофическим последствиям. Свидетельство этому — судьба, постигшая в XX веке государства, подавлявшие любую оппозицию.

Алан Макколум. Утраченные предметы. 1991

Три поколения российских людей прожили в тоталитарном обществе, где выборы подменялись избирательными кампаниями, функцией которых было не создание представительных органов, наделенных самостоятельной властью и одновременно зависящих от избирателей, а демонстрация лояльности населения. Не говоря уже о самом «электоральном» процессе, в ходе которого происходил отбор людей, способных бездумно и «неукоснительно», за минимальные льготы в виде отгулов, спецбуфетов и т.п., воспринимать сверху и проводить в низах «инициативы» начальства, какими бы абсурдными они ни были. Иначе говоря, подобно тому, как в сфере экономических отношений тоталитарная система отчуждала людей от собственности, за исключением узкого набора предметов непосредственного жизнеобеспечения, в области политической она экспроприировала у них право голоса. И хотя сторонники тоталитарной идеи, по-своему сформулированной Маяковским — «единица вздор, единица ноль», вопреки очевидным законам сложения и умножения, уповали на то, что суммирование нолей может дать в итоге «громящий кулак», реального приращения могущества из операции с нулями не получается. «Из нулей очень легко образуются цепи» (Ежи Лец).

Наша сегодняшняя политическая культура, к сожалению, тоже не способствует укоренению демократиче-

ских институтов. И причина этого не только в наследии советского периода российской истории. Напомню, как относилась российская бюрократия к земским учреждениям, то есть выборным органам местного самоуправления, введенным земской реформой 1864 года. «Чиновники, — писал в 70-е годы XIX века английский наблюдатель русской жизни журналист Дональд М. Уоллес, — заподозрили, что земство питает амбиции играть роль парламентской оппозиции. Это подозрение нашло формальное выражение... в секретном официальном документе, автор которого заявляет, что “оппозиция свила себе в земстве прочное гнездо”. Если быть справедливыми к обеим сторонам в этой семейной ссоре, мы должны признать, что земство действительно питало такого рода амбиции и, возможно, для страны в настоящее время было бы лучше, если бы оно их осуществило. Но это западноевропейская идея. В России не может быть такой вещи, как “Его Величества оппозиция”. Сознанию российских чиновников это словосочетание представляется логически противоречивым. Оппозиция чиновникам, даже в рамках закона, приравнивается к оппозиции самодержавной власти, воплощением и олицетворением которой они являются, а оппозиция тому, что они считают интересами самодержавия, находится в опасной близости от государственной измены».

Особенностью политической культуры во все века отечественной истории являлся примат власти в ряду таких же регулирующих человеческие отношения ценностей. Если о западном обществе можно говорить, что оно основано

на праве частной собственности и ее неприкосновенности, то в России неприкосновенной провозглашает себя власть, и любые попытки ее ограничения воспринимаются как посягательство на святыни не только самой властью. В частности, утверждение в политической жизни России таких «посягательств» в начале девяностых сразу вызвало решительное сопротивление сторонников и идеологов так называемой русской идеи, мечтавших о поражении либералов. Образно и с детской непосредственностью это выразил в своем интервью в 1992 году А. Невзоров: «Это все фразеология: Верховный Совет, президент, мэр, мэрия, оппозиция. На самом деле есть мужики и мужики. И одни других поставили на колени и плюют им в лицо. При этом готовы разрешить подняться с колен, если ты скажешь, что твоя Родина — дерьмо и сам ты — убудок. Но мы-то не можем это сказать, потому что знаем, что это не так. Поэтому разборки между мужчинами, какой бы словесной шелухой про парламентаризм, оппозицию это ни затемнялось, будут...»*.

Большинством россиян право и закон и сегодня воспринимаются как нечто навязанное извне и необязательное к исполнению. «Можно ли жить в России, не нарушая законов», — спрашивал Левада-Центр в июле 2007 года. Более половины — 54% респондентов — ответили, что жить, соблюдая законы, в нашей стране нельзя; 36% — что можно, остальные не определились. Поэтому едва ли стоит удивляться признанию некоего управленца областного масштаба, что «мы существуем, чтобы обходить законы, а прокуроры, чтобы нас ловить».

* «Коммерсант», № 107 от 17.02.1992 г.

Стефан Балкенхол. Танцующие пары. 1996

В целом сегодня нельзя сказать, что демократические ценности преобладают в сознании общества в России, а в ближайшие годы у нас может появиться авторитетная и сильная оппозиция. А точнее, институт политической оппозиции.

Как уже было сказано вначале, представительная демократия довольно редкий плод и выращивается долго. Для ее утверждения требуются как минимум следующие условия:

- 1) уважение к закону не как к инструменту принуждения в руках начальства, а как к системе правил поведения, обязательных и для начальства;
- 2) признание принципа выборности основополагающим в политической жизни;
- 3) подчинение решениям большинства при сохранении права меньшинства на выражение своего несогласия;

4) наличие способности у людей к самоорганизации для защиты своих интересов мирным путем — через представительство в выборных органах власти или членство в организациях, способных оказывать на последние влияние (в профсоюзах, различных добровольных ассоциациях, партийных структурах и т.п.).

Мирный законопослушный характер таких организаций особенно важно иметь в виду в свете попыток рассматривать в качестве оппозиции военизированные, революционные организации, готовые для достижения своих целей прибегать к насилию. Такие организации не являются оппозиционными. Их можно назвать хунтой, заговорщиками, путчистами, но понятие оппозиции к ним неприменимо.